

Вирус vs контроль: два страха одной пандемии

Анна Кирзюк

Анна Кирзюк. Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва, Россия, kirzyuk@gmail.com.

Весной 2020 года в сетевых дискуссиях обнаружили две противоположные позиции относительно того, какие угрозы несет пандемия. У кого-то сильную тревогу вызвала перспектива заражения и массовых смертей от нового вируса, а кто-то увидел главную опасность в ограничительных мерах и усилении контроля над гражданами. Статья представляет собой попытку ответить на вопрос, почему одни россияне оказались чувствительными к эпидемиологической угрозе, а другие — к опасности усиления контроля. Интернет-пользователи, чувствительные к медицинской угрозе, указывают на социальные и культурные различия между собой и своими оппонентами. Ковид-диссиденты отличают себя от своих идейных противников по признаку наличия или отсутствия агентности. Социологические исследования показывают, что тот или иной тип чувствительности отчасти определяется социально-экономическим положением. Реакция на пандемию слабо связана с политическими предпочтениями, но на ее характер влияет уровень доверия к государству и официальным институтам. Глубинные интервью с ковид-диссидентами и анализ их риторики в соцсетях позволяют увидеть, что чувствительность к угрозе контроля определяется индивидуальными «настройками», среди которых важную роль играет переживание «паники агентности» (Тимоти Мелли). Именно «паника агентности» включает у одних людей сигнал «опасность контроля» там, где другие видят необходимые меры защиты от новой инфекции. Этот сигнал или «перекрывает» сигнал биологической угрозы, или побуждает человека, занятого утверждением собственной агентности, справляться с биологической угрозой без участия властей и официальных экспертов, в максимально автономном режиме.

Ключевые слова: *реакция на пандемию коронавируса; вирусная угроза; угроза контроля; «ответственные граждане»; ковид-диссиденты; ограничительные меры; «паника агентности»; самодельная агентность.*

В СЕНТЯБРЕ 2021 года в паблике одного из районов Санкт-Петербурга появился пост. Его автор рассказала, как ее грубо остановили на входе в метро за отсутствие маски, случайно забытой дома. Она не высказывала сомнений в необходимости масочного режима, а возмущалась хамством сотрудников метрополитена, и пост был именно об этом. Однако дискуссия, которая развернулась в комментариях, получилась о другом. Одни комментаторы увидели в рассказе намеренное игнорирование масочного режима и набросились на автора с осуждением. Другие принялись критиковать ограничительные меры и утверждать, что они продиктованы не заботой о безопасности граждан, а стремлением государства усилить свою власть: «Нас приучают к послушанию и покорности, ничего общего с защитой здоровья»¹. Комментаторы прочитали в тексте то, что заботит их самих: одни сделали акцент на опасности коронавируса, другие — на опасности государственного контроля.

Эти два страха — перед вирусом и перед усилением контроля — стали важными типами реакции на пандемию в целом. Когда в середине марта 2020 года она пришла в Россию, одни пользователи соцсетей начали писать об опасности коронавируса, пропагандировать самоизоляцию и прочие ограничительные меры, а другие — о перспективе «цифрового концлагеря» и наступлении на свободы и права граждан. Во время пандемии в обществе обнаружились два типа чувствительности: часть людей оказалась более восприимчива к медицинской угрозе, тогда как другая часть — к усилению государственного контроля. Некоторые ушли на самоизоляцию во второй половине марта 2020 года (многие — еще до официально объявленной «нерабочей недели»), тщательно соблюдали рекомендованные ВОЗ меры предосторожности и нередко дополняли их способами защиты собственного изобретения. Другие в рекомендациях ВОЗ и налагаемых государством ограничениях увидели угрозу своей автономности и свободе, а медицинские риски для них показались неважными.

1. Комментарий к посту на Facebook, 07.09.21.

В начале пандемии многие граждане были обеспокоены ее экономическими последствиями². Однако российские власти не стали вводить продолжительных локдаунов и этот страх перестал быть актуальным³. Что же касается страхов перед вирусом и усилением государственного контроля, то они остались, только со временем фокус дискуссий переместился с ограничительных мер на вакцинацию и систему QR-кодов.

Почему с приходом пандемии одни россияне оказались чувствительными к эпидемиологическим рискам, а другие — к опасности усиления контроля со стороны государства? Предлагаемая статья является попыткой ответить на этот вопрос. Сначала мы проанализируем риторику людей, демонстрирующих эти типы чувствительности, посмотрим, как они говорят о своих страхах, как определяют себя и своих идейных противников; затем попробуем выяснить, какие факторы — социально-экономическое положение, политические взгляды, личностные особенности — повлияли на возникновение того или иного типа реакции на пандемию.

Материалами исследования стали посты и комментарии в тематических пабликах и на открытых страницах пользователей фейсбука*; глубинные интервью как со сторонниками ограничительных мер (4 интервью), так и с их противниками (22 интервью); дневник наблюдений за соблюдением ограничительных мер в разных общественных пространствах Санкт-Петербурга; данные опроса, проведенного автором в марте 2020 года среди пользователей фейсбука.

Описание угрозы, определение «своих» и «чужих»

Несмотря на то что люди, чувствительные к опасности вируса, и люди, чувствительные к усилению контроля, заняли противоположные позиции относительно того, как следует реагировать на пандемию, у них можно найти немало общего.

2. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020. С. 192.

3. Rogozin D., Vyugovskaya E. Три гипотезы о медиасреде в условиях распространения коронавируса // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 173–174.

* Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

Социологические исследования показывают, что обе группы составляли меньшинство. Доля ковид-диссидентов на протяжении 2020 года колебалась от 30% до 38% населения⁴. Доля их идейных противников была еще меньше. В 2020 году социологи с удивлением отмечали, насколько незначительное место в «рейтинге страхов» россиян занимает угроза, исходящая от самого коронавируса. После сильного всплеска тревоги перед вирусом в последнюю неделю марта угрозу заражения рассматривали как важную не более 20% опрошенных. Гораздо больше, чем заражение, людей беспокоили возможные социально-экономические последствия пандемии⁵.

Обе группы не только объективно оказались в меньшинстве, но и ощущали свою миноритарность. У людей, обеспокоенных медицинской опасностью пандемии, в марте-апреле 2020 года сформировалась идентичность «ответственных граждан»⁶. В соцсетях и в реальной жизни они постоянно сталкивались с представителями «равнодушного большинства», не понимающими истинных масштабов медицинской угрозы, или с диссидентами, активно отрицающими эту угрозу. У ковид-диссидентов в это время складывалось ощущение преследуемого меньшинства, противостоящего не только легковерному большинству, но и государству.

Другое сходство между «ответственными» и «диссидентами» — паттерны поведения, связанные с ощущением угрозы. В каждой группе оказались люди, которые были настолько сильно встревожены происходящим, что не могли молчать. Пророки эпидемического апокалипсиса и «цифрового концлагеря»⁷ начали активную просветительскую

4. Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году // Riddle. 10.02.2021. URL: <https://ridl.io/ru/covid-19-i-obshhestvennye-nastroeniya-rossijan-v-2020-godu/>; Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Пятая волна. 2020 // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. № 3. 29.05.20. URL: https://hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf.

5. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. С. 150.

6. Холявин А. Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19 // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 139–148.

7. Это словосочетание стало активно использоваться противниками ограничительных мер сразу после начала пандемии. Задолго до пандемии в православной публицистике существовало выражение «электронный концлагерь», которое обозначало царство антихриста, где люди, как предполагалось, будут контролироваться через разные технологии (Ахметова М. Конец света в отдаленно взятой стране. М.: ОГИ, 2010. С. 194).

деятельность в соцсетях, сообщая окружающим о невидимой опасности, предлагая рецепты спасения, обличая идейных противников и предрекая им разные кары. Характерно в этом отношении высказывание одного пользователя фейсбука, обеспокоенного перспективой эпидемического коллапса:

Я не знаю, как наслаждаться великолепными природой и людьми вокруг и перестать думать о тех, кто умрет <...> Мое предчувствие лютого пи**ца, которым скоро всех накроет (а кого-то уже), не дает возможности отпустить ситуацию, потому что вся энергия уходит на преодоление неприятия происходящего у других⁸.

Похожие отчаянные высказывания о близкой катастрофе можно найти и у представителей противоположного лагеря:

Не все в полной мере осознают, что, уступая сегодня в малом (к примеру, нацепить намордник на подбородок на минутку, чтобы пробили товар или пустили в организацию), завтра эти фашисты потребуют большего. И каждая наша минутная слабость приближает нас к этому страшному будущему⁹.

Также активные пользователи из обеих групп давали своим подписчикам советы по поведению в новой ситуации. Для озабоченных угрозой вируса это были новые правила гигиены (правильное мытье рук, дезинфекция опасных предметов) и инструкции по «ответственной самоизоляции». Для ковид-диссидентов это были советы, как «не поддаваться панике» и самостоятельно укреплять иммунитет.

Весной 2020 года у «ответственных» и «диссидентов» обнаружилась еще одна общая черта — ощущение, что привычные границы между «своими» и «чужими» разрушились. Выяснилось, что реакция на пандемию объединяет и разъединяет точно так же, как политические события. В 2014–2015 годах ответ на вопрос «наш ли Крым?» разобщал друзей, родственников и недавних политических единомышленников. Весной 2020 года многих разъединил вопрос об опас-

8. Facebook, пост от 24.03.2020.

9. Facebook, пост в паблике «Секта свидетелей Святого ковида», 21.08.2020.

ности коронавируса и соблюдении противоэпидемических мер:

Никогда еще мир так не поляризовался на моей памяти. <...> Сейчас чувствую, что с массой знакомых мы на разных берегах. Обсуждать стало опасно: вредно думать о людях, что они невежды¹⁰.

Активные пользователи фейсбука с идентичностью «ответственных граждан» в это время с горечью рассказывали о том, как они банят старых знакомых и отписываются от друзей, не разделяющих их уверенности в опасности вируса. Границы между «своими» и «чужими» стали определяться по-другому, через отношение к новой угрозе:

А теперь вдруг, как, простите за сравнение, в Гражданскую войну, мир разделился на своих и чужих. И непонятно, как продолжать любить тех, кто оказался с другим ценностным ДНК¹¹.

Желание отделиться от тех, кто не разделяет ощущение медицинской угрозы, иногда принимало форму публичного разрыва. Один пользователь предложил своим подписчикам сообщить, кто из них ходил на пасхальную службу в церковь, «чтобы знать, кого забанить»¹². Менее радикально настроенные пользователи просто тихо отписывались от тех, кто не разделяет их ощущение опасности. В интервью ковид-ответственные информанты рассказывали, как банили знакомых, которые постили фотографии с подпольных вечеринок, а ковид-диссиденты — как начали игнорировать посты тех, кто «сеет панику».

Обладатели каждого из упомянутых типов чувствительности испытали желание оказаться среди «новых своих» — то есть среди тех, кто разделяет их представление об угрозе. Пользовательница фейсбука, встревоженная эпидемиологической опасностью, написала в конце марта 2020 года:

По-моему, я хочу zoom-встречу со всеми, кто залайкал этот пост... Безалкогольную психотерапевтическую вечеринку среди «своих». Потому что руки опускаются¹³.

10. Facebook, пост от 24.03.20.

11. Facebook, комментарий к посту от 24.03.20.

12. Facebook, пост от 19.04.20.

13. Facebook, комментарий к посту от 24.03.20.

Ковид-диссиденты искали и находили тематические паблики и, оказавшись там, говорили о радости быть среди «своих»:

Уже четвертый месяц воюю в соцсетях с идиотами, ох и развелось их <...> вот недавно вступил в вашу группу, и так радостно стало, что я не один!¹⁴

Острое ощущение опасности в обоих случаях вызывает желание пересобрать круг «своих» и не покидать его, но тип воспринимаемой угрозы заставляет по-разному смотреть на «чужих». Если угроза контроля исходит от сотрудников разных учреждений (главным образом охранников и администраторов), то опасность заражения — от любого, кто игнорирует меры безопасности. В соблюдении ограничительных мер ковид-диссиденты видят опасность идейного свойства, а вирус представляет опасность физическую. Поэтому у людей, обеспокоенных перспективой заражения, появилась потребность не только в виртуальном сообществе единомышленников, но иногда и в физической изоляции среди «своих». Одна пользовательница фейсбука на протяжении весенних месяцев, судя по ее собственным высказываниям, активно «чистила ленту» и полемизировала с «френдами», отрицающими опасность вируса, а один раз даже сорвалась на оскорбления оппонентов, назвав их «тупыми». В конце июня на ее странице появилось описание своего рода утопии «жизни среди своих», комфортной и безопасной как в идейном, так и в физическом отношении:

Кризисы, подобные коронакризису, какие-то беспорядки от социальных движений наверняка будут повторяться и дальше, и в таких ситуациях приятнее жить в «коммуне» друзей и единомышленников, близких по духу, и чтобы окружение было однородным <...> Я имею в виду не элитные коттеджные поселки, а нечто иное, с совершенно другой идеей. Что-то вроде «пузыря» фейсбука, но офлайн. И, например, в соседних таких поселках селились бы тоже люди с похожими взглядами, формируя своего рода кластер. Например, я бы выбрала себе для жизни кластер, где все с ученой степенью/работают на интеллектуальной работе <...> В таком кластере в отделении банка работники

14. Facebook, пост в паблике «Секта свидетелей Святого ковида», 10.07.20.

носили бы маски, а люди на улицах бы вежливо и уважительно соблюдали дистанцию <...> Ну и, конечно, была бы нужна надежная охрана¹⁵.

Представители обеих групп испытывают потребность как-то негативно маркировать своих идейных противников и нелестно отзываются об их интеллектуальных способностях. Однако в том, как именно люди с разными типами чувствительности определяют себя и своих идейных оппонентов, есть некоторые различия.

Анализируя материалы проекта «Вирусные дневники», Артур Холявин замечает, что авторы этих дневников — работники интеллектуального труда, формирующие весной 2020 года идентичность «ответственных граждан», — критикуют тех, кто не соблюдает меры безопасности, с классовых позиций, а точнее, «с позиций среднего-средневысокого класса к более низким классам»; соблюдение мер защиты от вирусной угрозы они оценивают как признак более значительно-го культурного капитала¹⁶.

Мой собственный анализ риторики «ответственных граждан» (как в соцсетях, так и в интервью) показывает то же самое. Они склонны связывать невысокие умственные способности оппонентов с их социальным и культурным бэкграундом и убеждены, что он должен отличаться от их собственного:

Среди моих социальных кругов до сих пор люди с недоумением смотрят на мои «паникерские» посты <...> Если это происходит в так скажем креативной тусовке и среднем классе, который не отключен от достоверных источников информации и в какой-то степени владеет критическим мышлением, то что происходит среди менее интеллектуальной публики, я боюсь представить. Если зайти во всякие группы типа «распродажа мытищи», то мы увидим кучу лайков под постами о том, что это все придумали плохие политтехнологи, что на все воля божья, что в день от голода умирают тысячи людей и все в таком духе. Короче говоря, никто всерьез не воспринимает происходящее¹⁷.

15. Facebook, пост 28.06.20.

16. Холявин А. Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-1.

17. Facebook, пост от 15.03.20.

В этом тексте идейные противники однозначно маркированы как социально чуждые (жители Мытищ); при этом автор недоумевает, что знакомые обладатели равных культурных капиталов — то есть принадлежащие, как и он сам, к «интеллектуальной публике», — не разделяют его представления об угрозе. Автор процитированной выше утопии «жизни среди своих» убеждена, что жители воображаемого «кластера», имеющие ученую степень или «интеллектуальную работу», будут разделять ее представление об опасности вируса. Помимо занятий интеллектуальным трудом, есть еще один маркер высокого культурного капитала, который, в представлении «ответственных», отличает их от беспечных сограждан, — владение английским. Весной 2020 года некоторые сторонники самоизоляции и ограничительных мер подчеркивали, что они, в отличие от своих менее ответственных соотечественников, знают английский. Одна моя собеседница сказала, что в это время соблюдала строгую самоизоляцию, потому что она, в отличие от многих, читает по-английски¹⁸. Аналогичные высказывания можно было встретить в соцсетях: «И да, тем, кто владеет английским и следит за ситуацией, текущий вред от вируса известен»¹⁹. Идея, что правильно реагируют на пандемию представители «своего» социального круга, также прочитывается в анекдоте на тему вакцинации: «Как вам новая девушка вашего сына? — Хорошая девушка, из вакцинированной семьи».

Противники ограничений тоже, как было сказано выше, подчеркивают свое интеллектуальное превосходство над идейными оппонентами, которых называют «ковиднутыми», «ковидобесами», «даунами» и «любителями намордников». Однако различие между «своими» и «чужими» здесь не формулируется в терминах социальных классов и культурного капитала. Оно выражается с помощью указаний на интеллект, способность к «критическому» (или «самостоятельному») мышлению и внутреннюю свободу «своих», но эти качества не связываются с социальной принадлежностью говорящего и его оппонентов. «Чужие» описываются как люди, не обладающие «самостоятельным мышлением», подверженные влиянию политиков и СМИ, готовые подчиняться любым требованиям начальства, — одним словом, лишённые агентности. Они часто уподобляются животным, которые ассоциируются с глупостью и/или покор-

18. Ю.Г., ж., 1983 г. р., СПб. Личная беседа 4.09.20 (без записи).

19. Facebook, пост от 20.03.20.

ностью (баранам, курицам, собакам). «Чужой» в типичном диссидентском высказывании — это «послушный барашек, поддерживающий любые начинания властей, пусть даже они заставят нас ходить в противогазах, катать квадратное и складывать круглое»²⁰.

В высказываниях людей, озабоченных медицинскими рисками, преобладает риторика гражданской ответственности, заботы об общественной и личной безопасности. Значительную часть их высказываний составляет критика всеобщей беспечности и рецепты совладания с новой угрозой. Весной 2020 года «ответственные граждане» не только начали соблюдать меры, рекомендованные ВОЗ, но и изобрели в дополнение к ним собственные. Например, они протирали спиртовым раствором перила на лестничной клетке, подошвы уличной обуви, бутылки и упаковки продуктов, оставляли непортящиеся продукты на 10-дневный «карантин», устраивали в квартире «чистую» и «грязную» зоны (чтобы в «чистую» попадали только предметы, прошедшие санитарную обработку).

Такие самодеятельные меры борьбы с вирусной угрозой обсуждались в соцсетях и в личных беседах. Они конструировались коллективно и были важны не только для обеспечения медицинской безопасности, но и для идентичности практикующих. Впоследствии — ни во время второй волны, ни во время третьей, когда объективная опасность заражения была выше, — мои «ответственные» информанты не пытались возвращаться к этим практикам. Возможно, потому что только во время первой волны они имели символическую значимость — указывали на принадлежность к сообществу «ответственных граждан», разделяющих ценности общественной безопасности, и высоко одобрялись среди «своих».

В высказываниях людей, озабоченных угрозой контроля, большое место занимают пессимистические рассуждения о будущем, которое воображается в антиутопических тонах:

Тоже задаюсь вопросом, чего нас ждет, если сейчас уже беспредел с масками, что дальше? Дальше с вакцинами, чипами, лишениями всех прав? тотальный контроль над каждым?²¹

20. Facebook, пост от 21.07.20.

21. Facebook, пост от 24.11.20.

Каждая новая мера, которая группой «ответственных граждан» воспринимается как необходимая (а иногда и недостаточная) мера безопасности, группой диссидентов интерпретируется как очередной шаг на пути к тотальному контролю и очередная угроза их агентности. Многие говорят, как важно не поддаваться страху, который тоже мыслится как средство ослабления агентности²². Наиболее радикально настроенные диссиденты призывают открыто сопротивляться ограничительным мерам.

Для ковид-диссидентов (а впоследствии — и для противников QR-кодов) характерно использование визуальных образов и словосочетаний, ассоциированных с крайними формами дискриминации, бесправия, подконтрольности и с самыми печально известными тоталитарными режимами. В перечне визуальных символов, с помощью которых ковид-диссиденты говорят о своих страхах в соцсетях, есть полосатая форма с лагерным номером на груди, нашивка в виде желтой звезды, лагерь с колючей проволокой и вышками по периметру, чипированные животные. Наиболее распространенные вербальные символы — отсылки к известным романам-антиутопиям. Так, в комментариях к упомянутому в начале статьи посту о санкциях за забытую маску двое человек написали «Наш новый дивный мир». Противники вакцинации называют ее сторонников «вакцинаци», и «коронафашистами», QR-коды — «аусвайсами». Когда во Франции приняли закон о введении санитарных паспортов, в группе русскоязычных эмигрантов появился пост «Поздравляю всех с новым статусом!», к которому прилагалась картинка с изображением чипированного собачьего уха и человеческого — с биркой *vaccinated*²³. Пост вызвал много критики, но автор нашел и единомышленников, которые разделили его опасения и выразили их на том же символическом языке. Один из них в комментариях назвал санитарный паспорт (*pass sanitaire*) «собачьим паспортом» и написал, что невакцинированные «должны будут желтую нашивку носить на верхней одежде, на этот раз в виде короны»²⁴.

Итак, что «ответственные» и «диссиденты» говорят сами о себе и о своих страхах? «Ответственные» обеспокое-

22. Кирзюк А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 500.

23. Facebook, пост от 14.07.

24. Facebook, комментарий к посту от 14.07.

ны поведением равнодушных и диссидентствующих сограждан, которые являются проводниками вирусной угрозы. Себя и своих идейных противников они описывают в классовых терминах, находя причину разного отношения к пандемии в культурных и социальных различиях. В риторике диссидентов прочитывается страх перед утратой агентности. «Своих» и «чужих» они определяют не через классовые характеристики, а через наличие или отсутствие агентности.

Дальше мы попытаемся выяснить, какие факторы — социально-экономическое положение, политические взгляды, личностные особенности — повлияли на формирование того или иного вида чувствительности.

Восприятие угрозы и социально-экономическое положение

Действительно ли восприятие того или иного типа угрозы связано, как считают «ответственные граждане», с классовой принадлежностью? Коротким ответом на этот вопрос будет «да, но только отчасти».

Существует распространенное мнение, что люди, которые отрицают опасность вируса, малообразованны. Несколько социологических исследований показали, что ковид-диссиденты действительно в среднем хуже образованны, чем их «ответственные» сограждане²⁵. Но надо отметить, что не все исследования находят существенные различия между уровнем образования диссидентов и других групп²⁶.

Как в России, так и в других странах, есть определенная зависимость между восприятием эпидемиологической опасности и экономическим положением человека.

Весной 2020 года американские экономисты изучили, как в районах с разным уровнем дохода изменилась мобильность людей после введения в США первых ограничений (*shelter-in-place policies*). Это исследование показало, что жители бедных районов гораздо меньше склонны соблю-

25. Завадская М., Соколов Б. Социально-демографические и личностные особенности ковид-скептиков в России // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 1-2 (7); Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2021. С. 93-94.

26. Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году.

дать меры самоизоляции, чем обладатели среднего и высокого дохода²⁷. Опросы российского проекта «коронаФОМ» за 2020 год показывают, что люди беднейших слоев склонны недооценивать эпидемиологическую опасность и что бедные гораздо менее охотно соблюдают ограничительные меры, чем другие группы. В частности, они вдвое чаще, чем россияне в целом, игнорируют требование соблюдать социальную дистанцию в общественных местах²⁸. Экономическое положение влияет не только на практическое соблюдение ограничительных мер, но и на отношение к ним²⁹. Малообеспеченные россияне чаще всего высказывают мнение о чрезмерности ограничительных мер, а респонденты, имеющие высокий уровень доходов, напротив, чаще считают эти меры недостаточными³⁰. В том, что богатые больше готовы к ограничениям свобод во имя медицинской безопасности, чем бедные, нет никакой российской специфики. В январе 2022 года израильтян опрашивали на тему их отношения к введению мер, ограничивающих доступ невакцинированных к разным социальным активностям. Выяснилось, что поддержка таких мер возрастает по мере роста образования и дохода респондентов³¹.

Мои собственные наблюдения подтверждают, что достаток влияет на чувствительность к медицинской угрозе. С апреля 2020 года я наблюдала, как в магазинах, различающихся по ценовому сегменту, следят за соблюдением ограничительных мер. Сразу после введения этих мер стало заметно, что в магазинах с более высоким ценником они соблюдаются более тщательно, чем в магазинах эконом-класса. Никто не стремился соблюдать социальную дистанцию или ограничивать количество одновременно находящихся

27. *Wright A. et al. Poverty and Economic Dislocation Reduce Compliance with COVID-19 Shelter-in-Place Protocols*//Journal of Economic Behavior and Organization. 2020. Vol. 180. P. 544–554.

28. Социология пандемии. Проект коронаФОМ. С. 87.

29. В 2021 году уровень дохода продолжил положительно влиять уже на отношение к вакцинации. После того как в Петербурге ввели QR-коды для прохода в фитнес-центры, произошло резкое снижение их посещаемости — за исключением фитнес-клубов премиум-класса. URL: https://fontanka.ru/2021/11/15/70254749/?ref=f&fbclid=IwAR2M3oBMAtoBLtLSCS_U8AmCJe9oe5thKc61CaMGW-nVvjEXQT6Te-PlwXs.

30. *Логинов Д. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса*//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 470–487.

31. *Over 60% of Israelis back harsh restrictions on COVID-19 unvaccinated*//Jerusalem Post. 09.01.2022. URL: <https://jpost.com/health-and-wellness/coronavirus/article-691943>.

ся в торговом зале посетителей в магазинах сети «Дикси», но все эти предосторожности неукоснительно соблюдались (по крайней мере до сентября 2020 года) во «Вкусвилле», «Призме» и «Азбуке вкуса». Настаивая на соблюдении мер или игнорируя их, администрация магазинов отвечает на запрос своих покупателей. Подтверждение этому можно было наблюдать в июне 2020 года на небольшой петербургской улице, где расположены подряд несколько обувных магазинов с разным уровнем цен. К магазину довольно дорогой обуви *Ессо* на улице выстроилась очередь, поскольку внутрь не пускали больше трех покупателей сразу; люди в этой очереди были в масках и соблюдали социальную дистанцию. Возле дешевого магазина *Marko* никакой очереди не наблюдалось, покупатели — десять человек — находились внутри, в довольно тесном торговом зале, и в большинстве своем были без масок.

Эту связь между экономическим положением и эпидемиологической чувствительностью можно проинтерпретировать разным образом. Упомянутые выше американские экономисты считают, что обладатели низких доходов вынуждены игнорировать предписания по самоизоляции, поскольку заняты в сферах, не предполагающих возможности удаленной работы, и проблему несоблюдения *shelter-in-place policies* можно решить через экономическую помощь от государства³². К этому можно добавить, что определенные виды защиты от вирусной угрозы требуют средств. Когда некоторые мои собеседники вышли из режима «ответственной самоизоляции» в июне 2020 года, они еще довольно долго продолжали избегать общественного транспорта и начали активно пользоваться такси в перемещениях по городу и для поездок за город. Возможность отказаться от общественного транспорта очевидным образом зависит от дохода. Однако пренебрежение таким бесплатным средством предосторожности, как соблюдение социальной дистанции, указывает не на отсутствие финансовых возможностей обезопасить себя от вируса, а на отсутствие представления об угрозе.

Мы можем сделать несколько предположений относительно того, как именно связаны доход и чувствительность к медицинской опасности пандемии. Возможно, бедность делает людей нечувствительными к таким «невидимым» угрозам, как новый вирус, поскольку у них есть проблемы

32. Wright A. et al. Poverty and Economic Dislocation Reduce Compliance with COVID-19 Shelter-in-Place Protocols.

более осязаемые — например, забота о пропитании. Есть еще один фактор, который может связывать социально-экономическое положение с чувствительностью к медицинской угрозе. Люди с высокими и средними доходами в целом больше заботятся о здоровье и инвестируют в него больше, чем люди скромного достатка. Пьер Бурдьё отмечал, что представители среднего класса тратят большую часть своих доходов на заботу о здоровье, чем рабочие, а также больше озабочены полезностью тех или иных продуктов питания³³. Современные российские социологи рассматривают профилактические походы к стоматологу и предпочтение оливкового масла майонезу как маркеры высокого социального статуса³⁴. Усвоенная российским средним классом идеология «заботы о себе»³⁵ должна делать людей более чувствительными к новым медицинским угрозам.

Итак, и наблюдения, и количественные исследования говорят о том, что классовая позиция в какой-то мере определяет чувствительность к одному типу угрозы и нечувствительность к другому. Но есть множество случаев, где эта объяснительная модель не работает. Высокий социальный капитал не дает стопроцентной гарантии, что индивид среагирует именно на опасность вируса, а не на опасность контроля. Далеко не все в близком кругу «ответственных граждан» разделили их ощущение серьезной медицинской угрозы, и подтверждение тому — драматические разрывы с теми, кто до пандемии считался социально и идейно «своим». Кто-то из этих «бывших своих» продолжал не реагировать на угрозу нового вируса и отказывался от практик «ответственной самоизоляции», даже несмотря на неудоб-

33. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 33, 38.

34. Соколов М., Соколова Н. Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России // Экономическая социология. Т. 21. № 4. Сентябрь 2020. С. 21.

35. Следует уточнить, что в современной России следование потребительским стандартам, основанным на идеологии «заботы о себе», определяется не столько достатком (как в развитых западных странах), сколько поколенческими различиями. Более важным фактором для успешного усвоения глобальных потребительских моделей оказывается возраст. Так, российские «миллениалы» (люди, родившиеся с 1982 по 2000 год) восприняли сформировавшуюся в западных обществах связь между статусом и здоровьем быстрее, чем представители старших поколений (См.: Соколов М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 86; Радаев В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 22–26).

рение старых друзей и знакомых. В то же время среди моих диссидентски настроенных информантов были люди с разным уровнем образования и доходов. Трое из них, образованные и экономически благополучные представители среднего класса, до пандемии были весьма озабочены вопросами здоровья, но эта озабоченность привела их к увлечению альтернативной медициной и идеями нью-эйдж, что практически предопределило формирование ковид-диссидентских взглядов с началом пандемии.

Восприятие угрозы и политические взгляды

В США тревога по поводу опасности вируса оказалась прочно связанной с политическими убеждениями почти с самого начала пандемии. Опросы, проведенные в середине марта 2020 года, показали, что демократы гораздо сильнее беспокоятся по поводу возможности заражения коронавирусом, чем сторонники Республиканской партии. Также они гораздо чаще соблюдают меры предосторожности — избегают массовых мероприятий и общественных мест типа ресторанов и театров³⁶. Позже, когда в разных штатах были введены официальные ограничительные меры, правые блогеры и СМИ сочувственно освещали коллективные протесты против локдаунов и акты индивидуального сопротивления (например, открытие салона красоты во время официального запрета на работу *nonessential businesses*). Рассказы о личном сопротивлении сопровождались традиционной для американских правых риторикой о том, что дело правительства — не заботиться о безопасности людей, а защищать их права и свободы³⁷.

В российских медиа уже высказывалось удивление по поводу того, что весной 2020 года люди, которых в России принято называть «либералами», одобрили введение ограничительных мер (а некоторые даже потребовали их ужесточения), в то время как «государственники» и сторонники авторитаризма вдруг обеспокоились сохранением гражданских свобод. Однако на самом деле о таком четком распределении

36. Butchirddygari L. How Concerned Are Americans About Coronavirus So Far? There's evidence Republicans and Democrats are split, but that could easily change // Five Thirty Eight. 13.03.2020. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/how-concerned-are-americans-about-coronavirus-so-far/>.

37. См., например: Christiansen M. What Is the Purpose of Government? The Great Rebel Barbers of Lockdown Philosophy // Youtube. 13.05.2020. URL: <https://youtube.com/watch?v=xIM3hkxsuck>.

типов реакции на пандемию по политическому спектру говорить нельзя. Ковид-диссидентские высказывания встречаются как в группах сторонников действующего президента, так и в сообществах оппозиционеров самого разного толка.

Чтобы понять, связана ли в России чувствительность к медицинской угрозе с политической ориентацией, во второй половине марта 2020 года я провела опрос среди русскоязычных пользователей фейсбука. Респондентам (N = 4345) задавались вопросы о соблюдении ими различных мер предосторожности, об оценке эпидемиологической опасности, а также два вопроса, направленных на выяснение их отношения к левой повестке. В них предлагалось согласиться или не согласиться со следующими утверждениями: «государство должно уменьшать разрыв между богатыми и бедными» и «государство должно поддерживать малоимущих граждан за счет системы прогрессивного налогообложения»³⁸. В результате никакой корреляции между поддержкой левых идей и восприятием эпидемиологической угрозы обнаружено не было.

Таким образом, в российском контексте границы между группами, объединенными чувствительностью разных типов, проходят где-то поперек политических делений. Если социально-экономическое положение хотя и не полностью, но в значительной мере определяет тип чувствительности к пандемийным угрозам, то политическая принадлежность в России оказалась вообще очень слабо с ним связана.

Единственное, что определенно отличает политические взгляды ковид-диссидентов от взглядов других россиян, — это существенно более низкие уровни доверия к властям, к официальным институтам и к государству в целом³⁹. Такой вывод приводит социологов к поиску личностных характеристик, стоящих за этой низкой готовностью к доверию. Мария Макушева и Тимофей Нестик показывают, что отсутствие доверия к государству сочетается с ориен-

38. Эти два вопроса были нацелены на выявление симпатий к левой повестке в ее американском и европейском понимании. Идея, что государство должно ограничивать рыночную активность, перераспределяя доходы в пользу «слабых» игроков, в постсоветской России (в отличие от Европы и США) может не опознаваться как левая и вписываться в политические программы разного толка.

39. Макушева М., Нестик Т. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447; Завадская М., Соколов Б. Социально-демографические и личностные особенности ковид-скептиков в России.

тацией индивида на самостоятельное решение возникающих проблем⁴⁰. Маргарита Завадская и Борис Соколов обращаются к нескольким моделям личности, существующим в современной психологии, и находят, что диссиденты отличаются от «ответственных» сограждан по критериям теории ценностей Шварца⁴¹: они имеют более низкие значения по шкалам конформности и безопасности и более высокие — по шкалам самостоятельности, стимуляции и гедонизма⁴².

«Паника агентности» и доверие себе

Я предполагаю, что важная личностная характеристика, отличающая диссидентов и от «равнодушного большинства», и от «ответственных граждан», — это переживание того, что Тимоти Мелли называет «паникой агентности». Человек переживает «панику агентности», когда он чувствует, что находится под влиянием некоторых неподконтрольных ему сил, что он не вполне автономен и свободен в своих мыслях и действиях⁴³.

Одно из проявлений «паники агентности» — это страх влияния, боязнь стать объектом «промыывания мозгов». Этот страх выражается в подозрении, что СМИ, политики, блогеры и разные медийные личности стремятся «промыть мозги» и подчинить индивида. Так, одна моя собеседница-диссидентка в ответ на вопрос, верит ли она в некоторые теории заговора вокруг пандемии, ответила: «Верить — это больше к слову “управлять” относится». Через несколько минут разговора на эту тему она выразила то же самое опасение другим образом: «Каждый человек хочет иметь персонального раба... Это сущность внутри каждого человека сидит, стремление такое быть царьком»⁴⁴.

40. Макушева М., Нестик Т. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии. С. 440.

41. Теория предлагает шкалу мотивационных ориентаций, состоящую из 19 ценностей (Шварц Ш. и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf).

42. Завадская М., Соколов Б. Социально-демографические и личностные особенности ковид-скептиков в России. С. 50–51.

43. Melley T. Empire of Conspiracy: The Culture of Paranoia in Postwar America. Ithaca: Cornell University Press, 2000. P. 5, 12.

44. Е. П., ж., 1984 г. р., СПб. Записано 25.01.22.

Такое представление о человеческой природе и сути социальных отношений формирует особый тип «социальной бдительности», главными принципами которой становятся, во-первых, не доверять информации, исходящей от влиятельных лиц и властных институтов, во-вторых, сопротивляться любым институциональным вмешательствам в телесную сферу (не проходить через рамки металлоискателей, не делать прививки, отказываться от измерения температуры в общественных местах). В ответ на переживаемую «панику агентности» также вырабатывается своеобразная «самodelьная агентность» (*self-made agency*)⁴⁵ — набор убеждений и практик, позволяющих существовать в максимально автономном режиме, не обращаясь к помощи институтов и экспертному знанию.

Многие ковид-диссиденты сформировали «самodelьную агентность» еще до пандемии благодаря увлечению идеями нью-эйдж и альтернативной медицины. Вместе с этими идеями они приобрели уверенность в своей способности самостоятельно диагностировать у себя болезни (в том числе и коронавирус) и справляться с ними. Во время пандемии наиболее радикально настроенные диссиденты начали сопротивляться ограничительным мерам, поскольку не захотели отдавать обретенную агентность государству⁴⁶.

В основе «самodelьной агентности» диссидентов лежит идея, что человек может управлять своим физическим состоянием с помощью психологической и эмоциональной «автонастройки». Эта идея происходит из общего для разных учений нью-эйдж холистического подхода к здоровью (*holistic health*), который предполагает, что физическое благополучие человека зависит от состояния его сознания и от того, насколько «гармоничны» его взаимодействия с социальной и природной средой⁴⁷. В ситуации пандемии приверженность холистическому подходу приводит к следующему убеждению: если ничего не боишься и не имеешь дурных мыслей, то не заболеешь. Оно находит выражение в популярных среди ковид-диссидентов высказываниях, что

45. Термин взят из: *Harding S., Stewart C. Anxieties of Influence: Conspiracy Theory and Therapeutic Culture in Millennial America*//*Transparency and Conspiracy: Ethnographies of Suspicion in the New World Order*/H.G. West, T. Sanders (eds). L., Durham: Duke University Press, 2003. P. 258–288.

46. Кирзюк А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды. С. 497–499.

47. *Tighe M., Butler J. Holistic Health and New Age in Britain and the Republic of Ireland*//*Handbook of New Age*./D. Kemp, J.R. Lewis (eds). Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 415–434.

страх вокруг коронавируса опаснее для здоровья, чем сам вирус («убивает не вирус, а страх»).

«Самодельная агентность» диссидентов может распространяться на другие сферы. Некоторые диссиденты уверены, что через психологическую автонастройку они способны управлять не только своим здоровьем, но и социальными взаимодействиями. Так, одна моя собеседница, имеющая опыт активного сопротивления ограничительным мерам, утверждала, что если правильно «настроить себя» (а именно — избавиться от внутренней агрессии), то охранники в магазинах и госучреждениях не требуют надевать маску⁴⁸. Ее единомышленница, тоже имеющая опыт сопротивления, рассказала о другом рецепте автонастройки, который также помогает воздействовать на других людей:

Когда еще не осознаешь себя человеком и требуешь что-то, именно внутри не осознаешь — у тебя страх. Тобой руководит страх, а страх считывается очень быстро <...> Когда у тебя страха уже нет, ты преодолел все препятствия, ты идешь смело и знаешь, что тебе никто ничего не предъявит⁴⁹.

Стремление реализовывать «самодельную агентность» выходит за пределы исключительно медицинской сферы, и это верно не только для идейных борцов с коронавирусными ограничениями, но и для тех, кто эти ограничения стихийно игнорирует. Например, на юге Ставропольского края и в Кабардино-Балкарии очень редко можно увидеть людей, надевающих маску в общественных местах⁵⁰. Многие таксисты в этом регионе ставят на замок для ремня безопасности специальную заглушку, которая позволяет пассажиру на переднем сиденье не пристегиваться и не слушать звуковой сигнал, напоминающий о необходимости пристегиваться. Если пассажир-мужчина выражает желание пристегнуться, водитель вынимает заглушку, но с недоумением сообщает, что ремнями безопасности обычно пользуются дети или беременные женщины. Один раз на просьбу моего коллеги убрать заглушку таксист с плохо скрываемым презрением ответил: «Ну ты бы еще маску на себя надел!»⁵¹. Жительни-

48. Е.П., ж., 1984 г. р., СПб. Записано 25.01.2022.

49. Е.К., ж., 1976 г. р., СПб. Записано в ноябре 2020.

50. Наблюдения сделаны в марте-апреле 2021 года.

51. Сходство мотиваций, лежащих в основе отказа носить маску и отказа пристегиваться в автомобиле, заметил журналист американского изда-

ца Нальчика рассказала, что если попытаться пристегнуться в машине родственника или знакомого, то он может обидеться: «Ты что, мне не доверяешь? Я хорошо вожу!»⁵².

Эту реплику обиженного водителя можно переформулировать так: «я считаю, что способен контролировать опасные ситуации сам, без помощи внешних устройств». Попытка пассажира пристегнуться расценивается как сомнение в способностях водителя контролировать ситуацию. Аналогичным образом ковид-диссиденты воспринимают попытки государства заставить их соблюдать пандемийные ограничения: они уверены, что могут контролировать ситуацию сами, без официальных предписаний. Отказ пристегиваться в автомобиле — это такой же способ утверждения агентности, как и отказ надевать маску. В обоих случаях мы наблюдаем ту связь между отсутствием доверия к государству с его предписаниями и ориентацией индивида на самостоятельные действия, о которой говорят социологи.

Стремление идейных и стихийных ковид-диссидентов развивать «самодельную агентность» не только в ситуации пандемии, но и в других ситуациях (социальное взаимодействие и дорожное движение) говорит о том, что обостренное переживание собственной агентности играет первостепенную роль в формировании их взгляда на пандемию. Нельзя утверждать, что они совершенно нечувствительны к медицинским угрозам; вернее будет сказать, что, обостренно переживая любые посягательства на их агентность, они предпочитают с любыми угрозами справляться самостоятельно и идейно «вооружены» для этого.

Заключение

Об интенсивности переживаний, связанных как с угрозой вируса, так и с угрозой контроля, вводимого для борьбы с ним, говорят паттерны поведения, общие и для ковид-диссидентов, и для ковид-ответственных: катастрофические

ния *Insider*. Он сравнил сегодняшние протесты против ковидных ограничений с борьбой, которую вели некоторые американцы в начале 1980-х против закона, обязывающего водителей использовать ремень безопасности (*Ackerman D. Before face masks, Americans went to war against seat belts//Business Insider. 26.05.2020. URL: <https://businessinsider.com/when-americans-went-to-war-against-seat-belts-2020-5#:~:text=In%20the%20early%201980s%2C%20the,Ralph%20Nader%20to%20Business%20Insider>*).

52. М. Д., ж., 1982 г. р., Нальчик. Личная беседа (без записи).

пророчества, стремление открыть окружающим глаза, попытка найти «своих» и отделиться от «чужих».

Социологические исследования показывают, что чувствительность к медицинской угрозе пандемии связана с высоким экономическим и культурным капиталом, а низкий уровень образования и доходов в какой-то мере отвечают за чувствительность к угрозе контроля. Однако считать классовые различия единственной причиной разных реакций на пандемию все же нельзя. В формировании того или иного типа реакции на пандемию помимо этого участвуют факторы иного порядка. На него влияют персональные «настройки» воспринимающего, среди которых важную роль играет переживание «паники агентности» (или отсутствие такого переживания). Именно «паника агентности» включает у одних людей сигнал «опасность контроля» там, где другие видят необходимые меры безопасности. Этот сигнал или «перекрывает» сигнал биологической угрозы, или побуждает человека, занятого утверждением собственной агентности, справляться с биологической угрозой без участия властей и официальных экспертов, в максимально автономном режиме. Чтобы отреагировать на медицинскую угрозу так, как это сделали «ответственные граждане», нужно не только быть образованным и экономически благополучным, но и не видеть проблемы в том, чтобы подчиниться предписаниям официальных институтов.

Нельзя сказать, что «паника агентности» никак не связана с социально-экономическими факторами: отчасти они объясняют ее переживание одними группами и отсутствие у других. Сложное экономическое положение способствует тому, что индивид ощущает утрату контроля, вырабатывает навыки «социальной бдительности» и «самодельной агентности». Однако такие навыки, видимо, могут вырабатываться вследствие самых разных биографических обстоятельств, индивидуальных психологических склонностей, семейной истории и т. п.

Библиография

- Артамонов Р., Лаврентьев Н. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией и режимом самоизоляции. Седьмая волна // Высшая школа экономики. 03.06.2020. URL: http://hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf.
- Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 33, 38.

- Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году // Riddle. 10.02.2021. URL: <http://ridl.io/ru/covid-19-i-obshhestvennye-nastroenija-rossijan-v-2020-godu/>.
- Завадская М., Соколов Б. Социально-демографические и личностные особенности ковид-скептиков в России // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 1-2 (7). С. 47-55.
- Кирзюк А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484-509.
- Логинов Д. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 470-487.
- Макушева М., Нестик Т. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427-447.
- Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М., 2020.
- Радаев В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15-32.
- Рогозин Д., Вьюговская Е. Три гипотезы о медиасреде в условиях распространения коронавируса // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 168-178.
- Соколов М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 71-91.
- Соколов М., Соколова Н. Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 4. С. 12-29.
- Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2021.
- Холявин А. Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19 // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 139-148.
- Шварц Ш. и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43-70. URL: http://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf.
- Ackerman D. Before face masks, Americans went to war against seat belts // Business Insider. 26.05.2020. URL: <http://businessinsider.com/when-americans-went-to-war-against-seat-belts-2020-5#:~:text=In%20the%20early%201980s%2C%20the,Ralph%20Nader%20told%20Business%20Insider>.
- Butchirdygar L. How Concerned Are Americans About Coronavirus So Far? There's Evidence Republicans and Democrats Are Split, But That Could Easily Change // Five Thirty Eight. 13.03.2020. URL: <http://fivethirtyeight.com/features/how-concerned-are-americans-about-coronavirus-so-far/>.
- Christiansen M. What Is the Purpose of Government? The Great Rebel Barbers of Lockdown Philosophy // Youtube. 13.05.2020. URL: <http://youtube.com/watch?v=xIM3hkxsuck>.
- Harding S., Stewart C. Anxieties of Influence: Conspiracy Theory and Therapeutic Culture in Millennial America // Transparency and Conspiracy: Ethnographies of Suspicion in the New World Order / H.G. West, T. Sanders (eds). L.; Durham: Duke University Press, 2003. P. 258-288.
- Melley T. Empire of Conspiracy: The Culture of Paranoia in Postwar America. Itaca: Cornell University Press, 2000.
- Over 60% of Israelis Back Harsh Restrictions on COVID-19 Unvaccinated // Jerusalem Post. 09.01.2022. URL: <http://jpost.com/health-and-wellness/coronavirus/article-691943>.
- Tighe M., Butler J. Holistic Health and New Age in Britain and the Republic of Ireland // Handbook of New Age / D. Kemp, J.R. Lewis (eds). Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 415-434.

Virus vs Control: Two fears of One Pandemic

Anna Kirziuk. Russian Presidential Academy of Economics and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, kirzuk@mail.ru.

In the spring of 2020, online discussions revealed two conflicting views on threats posed by the pandemic. Some were very worried about the prospect of infection and mass deaths from the new virus, while others saw the main danger lying in restrictive measures and increased social control. This article is an attempt to answer the question as to why some Russians reacted more sensitively to the epidemiological threat and others to the danger of increased control. Medically sensitive Internet users describe themselves and their opponents in terms of social and cultural differences. Covid dissidents distinguish themselves from their ideological opponents on the criterion of the presence or absence of agency. Sociological studies show that this or that type of sensitivity is determined in part by socio-economic status. The reaction to the pandemic is weakly related to political preferences, but it is influenced by the level of trust in the state and official institutions. In-depth interviews with COVID-dissidents and analysis of their rhetoric in social media show that sensitivity to the threat of control is determined by the personal “setting”, in which the experience of “agency panic” (Timothy Melley) plays an important role. In some people the “panic of agency” triggers the signal “danger of control” in a situation where others perceive the administration of necessary security measures. This signal either “overrides” the signal of a biological threat, or encourages a person who is busy asserting his own agency to cope with a biological threat without the participation of authorities and official experts, in the most autonomous mode.

Keywords: *response to the coronavirus pandemic; virus threat; threat of control; “responsible citizens”; covid-dissident; restrictive measures; “agency panic”; self-made agency.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-3-79-105

References

- Ackerman D. Before face masks, Americans went to war against seat belts. *Business Insider*, May 26, 2020. URL: <http://businessinsider.com/when-americans-went-to-war-against-seat-belts-2020-5#:~:text=In%20the%20early%201980s%2C%20the,Ralph%20Nader%20told%20Business%20Insider>).
- Artamonov R., Lavrent'ev N. Opros obshchestvennogo mneniya naseleniya RF. Izmeneniya, vyzvannye ehpidemiei i rezhimom samoizolyatsii. Sed'maya volna [Russian Federation Public Opinion Research. Changes Caused by Pandemic and Self-Isolation Regime. Seventh Wave]. *Higher School of Economics*, June 3, 2020. URL: http://hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf.
- Bourdieu P. Razlichenie: sotsial'naya kritika suzhdeniya [La Distinction. Critique sociale du jugement]. *Ehkonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2005, vol. 6, no. 3, pp. 25–48.
- Butchirdygar L. How Concerned Are Americans About Coronavirus So Far? There's Evidence Republicans and Democrats Are Split, But That Could Easily Change. *Five Thirty Eight*, March 13, 2020. URL: <http://fivethirtyeight.com/features/how-concerned-are-americans-about-coronavirus-so-far/>.

- Christiansen M. What Is the Purpose of Government? The Great Rebel Barbers of Lockdown Philosophy. *Youtube*, May 13, 2020. URL: <http://youtube.com/watch?v=xIM3hkxsuck>.
- Harding S., Stewart C. Anxieties of Influence: Conspiracy Theory and Therapeutic Culture in Millennial America. *Transparency and Conspiracy: Ethnographies of Suspicion in the New World Order* (eds H. G. West, T. Sanders), London, Durham, Duke University Press, 2003, pp. 258–288.
- Kholyavin A. Sotsial'noe bezdeistvie na rannikh etapakh pandemii COVID-19 [Social Inaction at Early Stages of the COVID-19 Pandemics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no. 11, pp. 139–148.
- Kirziuk A. “U menya net strakha”: kovid-dissidenty v poiskakh agentnosti i pravdy [“I Have No Fear”: COVID Skeptics in Search of Agency and Truth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2021, no. 2, pp. 484–509.
- Loginov D. Sotsial'noe samochuvstvie rossiiskogo naseleniya v period ostroi fazy ehpidemiologicheskogo krizisa [Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 6, pp. 470–487.
- Makusheva M., Nestik T. Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki i ehffekty doveriya sotsial'nym institutam v usloviyakh pandemii [Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 6, pp. 427–447.
- Melley T. *Empire of Conspiracy: The Culture of Paranoia in Postwar America*, Ithaca, Cornell University Press, 2000.
- Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki bor'by s COVID-19 v Rossii* [Society and a Pandemic. Experience and lessons of combatting COVID-19 in Russia], Moscow, 2020.
- Over 60% of Israelis Back Harsh Restrictions on COVID-19 Unvaccinated. *Jerusalem Post*, January 9, 2022. URL: <http://jpost.com/health-and-wellness/coronavirus/article-691943>.
- Radaev V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenii: ehmpiricheskii analiz [Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 3, pp. 15–32.
- Rogozin D., V'yugovskaya E. Tri gipotezy o mediasrede v usloviyakh rasprostraneniya koronavirusa [Three Hypotheses About the Media Content Amidst the Coronavirus Infection]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian Vector], 2021, vol. 16, no. 4, pp. 168–178.
- Schwartz Sh. et al. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2012, vol. 9, no. 1, pp. 43–70. URL: http://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf.
- Sokolov M. Pokoleniya vmesto klassov? Vozrast i potrebitel'skaya revolyutsiya v Rossii [Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2019, vol. 31, no. 1, pp. 71–91.
- Sokolov M., Sokolova N. Sredy, a ne klassy: patterny gorizontol'noi stratifikatsii v sovremennoi gorodskoi Rossii [Milieus, Not Classes: Patterns of Horizontal Stratification in Urban Russia]. *Ehkonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2020, vol. 21, no. 4, pp. 12–29.
- Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [Sociology of the Pandemic. Project koronaFOM], Moscow, Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”, 2021, pp. 93–94.

- Tighe M., Butler J. Holistic Health and New Age in Britain and the Republic of Ireland. *Handbook of New Age* (eds D. Kemp, J.R. Lewis), Leiden, Boston, Brill, 2007, pp. 415-434.
- Wright A., Sonin K., Driscoll J., Wilson J. Poverty and Economic Dislocation Reduce Compliance with COVID-19 Shelter-in-Place Protocols. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2020, vol. 180, pp. 544-554.
- Zavadskaya M. COVID-19 i obshchestvennye nastroyeniya rossiyan v 2020 godu [COVID-19 and Russian Public Moods in 2020]. *Riddle*, February 10, 2021. URL: <http://ridl.io/ru/covid-19-i-obshchestvennye-nastroyeniya-rossijan-v-2020-godu/>.
- Zavadskaya M., Sokolov B. Sotsial'no-demograficheskie i lichnostnye osobennosti kovid-skeptikov v Rossii [Social Demographic and Personal Characteristics of Covid Skeptics in Russia]. *Sotsiodigger* [Sociodigger], 2021, vol. 2, no. 1-2 (7), pp. 47-55.